

Москва, Комсомольск - 1991 - 5 марта

НЕ БОГИ горшки обжигали. Они тоже были молодыми, как мы сегодня, — и тоже, как говорится, учились понемногу. Некоторые — и в вузе.

Солженицын — студент... Каким он был? Как учился? Что прогуливал? Хорошо, что есть еще люди, которые могут рассказать об этом. Его друг — Эмиль Александрович Мазин. И первая жена писателя — Наталья Алексеевна Решетовская. Второй год газета Ростова-на-Дону, прежде называвшаяся «Комсомолец», ныне региональная молодежная газета юга России «Наше время», ведет рубрику «Ростов, который помнит Солженицына». Корреспондент газеты Елена Афанасьева специально для «Рейтинга» подготовила этот материал.

«ДЕВЯТНАДЦАТИ НИ КРАШЕ НЕТ, НИ ЯРЧЕ, НИ МИЛЕЙ...»
Москва, Ленинский проспект, Наталья Алексеевна Решетовская:

— В 1936-м, в один год с Солженицыным, мы закончили, правда, разные школы. Санины друзья, Николай Виткевич, Кирилл Симонян, Раечка Карпоносова поступили на химический факультет и учились вместе со мной в старом здании на Университетском. Саня учился в здании на Горького. И часто, возвращаясь после занятий, мы встречались. Так однажды нас и познакомили. Хотя самая первая встреча произошла на самом химфаке, где он слушал лекцию по химии. Я в перерыве разговаривала с Симоняном и Виткевичем, когда они вдруг воскликнули: «Морж!». И, повернувшись, я увидела высокого юношу...

— Почему «морж»?
— Школьная кличка. Он действительно не боялся холода, до поздней осени ходил без пальто.

— Его юношеские приятели вспоминают, что Александр Исаевич за малым не стал актером в театре Завадского...

— Это не совсем так. Никогда он не собирался специально становиться актером. У него было много талантов и много желаний. Он поступал в университет. И этого ему казалось мало. У нас в Ростове театр Завадского — почему бы одновременно не учиться актерскому мастерству! Вернее, не совершенствоваться, потому что Саня уже считал себя актером, по крайней мере, любительским. Почему не

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН в студенческие годы (снимок публикуется впервые).

поступил? Он почти прошел, если бы не голос. Уже на последнем туре Завадский ему сказал: «Вот у вас там далеко друг, позовите его!».

И после этого потребовал справку от ларинголога. Оказалось, слабые голосовые связки, и вопрос отпал. Но одного университета Сане было-таки мало. Он хотел овладеть всеми мировыми знаниями. Тогда он пошел на курсы английского языка.

— Он собирался стать писателем еще до университета?

— Да, в школе они троим—Симонян, Лидочка Ежерец и он — писали романы, передавая друг другу, гребли героев другого, потом воскрешали. Стихи писали и Кирилл, и Саня. На девятнадцатилетие Саня написал мне стихотворение на двух с половиной страничках.

Оглянись назад, Наташа. На улыбку прежних дней. Девятнадцать ни краше. Нет, ни ярче, ни милей...

— Почему же он не поступил на филологический факультет?

— В Ростовском университете филофака тогда не было. Пединститут, он счи-

тал, не для него. И увлечение математикой привело его на физмат. Но со временем он узнал, что в Москве есть институт философии, литературы и истории — МИФЛИ. Там училась тогда невеста, потом жена моего «хорошего» друга Эмиля Мазина. И через нее Саня узнал об этом институте, уговорил Симоняна, Виткевича. И они едут в Москву и поступают на заочное отделение. Но до войны осталось два года. Вот два курса они и прошли.

— Что тогда «проходили» в МИФЛИ?
— История, литература, даже латынь.

личное !!!
ДЕЛО №
студента
Солженицына

У него были карточки: с одной стороны слово по-латыни, с другой — перевод, и в любую чуть свободную минуту карточки появлялись в его руках. Саня всегда страшно берег время, и для того, чтобы это все учить, использовались даже наши свидания.

— Вас это не обижало?
— Нет. Я сама была немножко такая. Могла все воскресенье просидеть над самыми трудными задачами по математике, которые нам никто не задавал. И еще музыка.

— В то время, вероятно, пристрастия Александра Исаевича были не те, что сегодня?

— Естественно. Хотя в детстве он получил в какой-то мере религиозное воспитание. Но школа все зачеркивала. Я помню, как в третьем классе нас попросили поднять руку, у кого были рождественские елки, и какой стыл было тянуть руку. Родители просто щадили детей, чтобы они не раздвигались. Школа же главенствовала. Тем более что у Сани не было отца. Это в какой-то мере повлияло на его становление. Одним словом, я узнала Саню атеистом, ленинцем, активным комсомольцем. И когда я ему говорила, как мне надоела похвальба по радио, он отвечал: «Так надо».

— Как вы решили пожениться?

— Прежде всего Саня объяснился мне в любви. Я еще не совсем разобралась тогда в своих чувствах, но поняла, что не представляю, чтобы мы не виделись. Какое-то время мы были возлюбленными. Потом я написала Сане письмо о том, как безумно тяжело расставаться, давай уж или жениться, или... В ответ он мне тоже написал. Наши письма тогда и начинались, потом было страшно много писем во время войны, во время лагеря, после. Написал тогда, что и он думает о том же, но вдруг это помешает ему идти к его большой цели, что может быть ребенком, а это лишние сложности. Но, обсудив все, мы решили, что через год мы поженемся, 27 апреля 1940 года мы дали друг другу слово, что мы муж и жена. Зарегистрировались в загсе на улице Энгельса. Тогда никаких заявлений было не нужно, зашли и записались.

— Где вы жили?

— Снимали комнату — нам университет помогал.

— Чем отличалась семейная жизнь от прежних лет?

— Тем, что мы стали меньше развлекаться. Меньше времени уходило на свидания.

— Вы фамилию не меняли?

— Представьте, нет. Мы же таинственность устроили из женитьбы. Фамилию Солженицына я никогда не носила.

— Хозяйство свое вели?

— По воскресеньям мы обедали у Саниной мамы, которая, конечно, старалась всю душу вложить в то, чтобы нас накормить повкуснее. И вообще отношения с Таньей Захаровной у меня были прекрасные. Это по воскресеньям. А

во все остальные дни мы обедали у моей тети, которая не работала. Если обед опаздывал на 5 минут, Саня доставал свои знаменитые карточки, и начиналась зубрежка. После обеда он убежал в читальню, а я оставалась играть на рояле, потому что в тот год заканчивала музучилище. В нашу квартиру я приходила нагруженная котомками — мама и тетя снабжали меня ужином и завтраком.

— Мама ваши ладили?

— Конечно. Они впервые встретились без нас. Мы устроили страшную тайну из нашей женитьбы и обо всем написали уже из Тарусы, где проводили медовый месяц. Саняна мама пришла к моей, и они проговорили сразу 4 часа, у них оказалось много общего в прошлом, и обе обожали своих единственных детей и теперь готовы были обожать двоих.

— Где застала вас война?

— Мы сдавали госэкзамены. Причем Саня, как всегда, обгонял время, один госэкзамен сдал досрочно, чтобы быстрее освободиться и ехать на сессию в МИФЛИ. И в Москву он приехал 22 июня.

Он только поселился в общежитии и — речь Молотова. А я была в читальне, потом пошла домой. Навстречу шла компания и перечисляла города — Киев, Минск. Я еще подумала, что это они географией занимаются. Ничего не подозревая, шла мимо дома Таисии Захаровны и, как очень часто, зашла к ней. Она видит, что я такая веселая: «Ты что, ничего не знаешь? Война началась».

— Но вы еще поехали работать?

— Да, нас распределили в Морозовск, в школу Луначарского, 18 октября там, в Морозовске, Александра Исаевича мобилизовали. Вот почему он оказался в обрзе. Рвался на фронт он с самого начала, как только приехал из Москвы. Но из-за нервной системы у него была ограниченная годность. А тут война. Как же писателю и патриоту не побывать на фронте! Но ему говорили: «Ждите». Потом уже он использовал командировку в Сталинград, куда его послали, показал диплом. «Могу быть и переводчиком, и артиллеристом», и дальше началось его артиллерийское училище...

«ЛЕКЦИИ В ЧЕТЫРЕ РУКИ»

Эмиль Александрович Мазин, однокурсник. Они дружили.

Из толстого портфеля извлекаются на свет удивительные документы — личные дела студентов Ростовского Госуниверситета.

— Смотрите, даже в заявлениях чувствуется характер. Я просто пишу: «Прошу зачислить меня в число студентов I курса, т. к. я в этом году окончил школу». А у Сани точность во всем: «...Необходимые документы прилагаются». Дата, подписи...

— Кстати, если посмотреть на школьный аттестат Солженицына, можно догадаться, почему в 70-х, когда многих его знакомых вызывали в Комитет госбезопасности, их спрашивали, не еврей ли он?

— Саня?!

— Да. В аттестате перепутали отчество. Вместо «Исаевич» — «Исаакович», отсюда и вопросы.

— Нет, он — Исаевич. Отец его погиб, на охоте ранил себя еще до Саниного рождения. Видите, Саня в анкете даже пишет: «Отца не было. Мать — стенографистка».

— Вы помните его маму?

— Конечно, Таисия Захаровна, удивительной доброты женщина, тихая такая. Жили они бедно. Комнатка у них была 8 метров, да прихожая с умывальником. У окна большой письменный стол, одна

кровать. Денег всегда не хватало. Костюм первый Сане купили только на третьем курсе. Да все мы тогда щеголяли кто в чем. Мне брат подарил белые парусиновые туфли. Лето проходил, а зимой вроде неудобно в белых. Я их ваксой покрасил и был счастлив... Время такое...

— Вы поступали в университет в тридцать шестом году?

— Да. Этот год открыл дорогу и мне, и Сане. До 1936-го детей служащих в университете не принимали, только рабочих. Мы все поступали без экзаменов — аттестаты с отличием, заявление и все. Никаких «колхозов»; «картошек» не было. Только учились. Но учеба была серьезная. Настолько, что из всех девочек, поступивших на физмат, только одна Лабинцева закончила его с нами, остальные не смогли. Занятия шли с восьми утра до половины второго, потом мы обедали по домам (все жили недалеко) и часа в четыре собирались в библиотеке. Если нужна была специальная литература — занимались в академической библиотеке университета, тогда она находилась в нынешнем здании Центрального универмага.

— А преподавателей своих вы помните? Кто вас учил?

— Конечно, помню. Профессора Богословский, Гремячинский, Мордухай-Волтовский. Ловили каждое их слово, этого ни в каком учебнике было не найти. За Мордухай-Волтовским лекции записывали в четыре руки, иначе было не успеть. Так мы с Саней и писали конспекты на пару. Он — то, что говорит профессор, я — что пишет. И экзамены вместе ходили сдавать досрочно. Особенно со второго курса, когда Саня стал учиться еще в МИФЛИ и ему приходилось торопиться на сессию в Москву. Не так давно я встретил преподавателя Попова, которому сдавали в девятом семестре экзамен. Он и сейчас вспомнил, как мы пришли с Саней сдавать — как водится, досрочно. Саня получил пять, я — три...

Слева направо: Александр Солженицын, Кирилл Симонян, Наталья Решетовская, Николай Виткевич, Лидия Ежерец — в годы учебы в университете.

— Полистать зачетки — одни пятёрки... Хотя нет, вот у Солженицына одна тройка...

— Да, одна за все пять лет. Остальные — «отлично». Хотя справедливости ради должен сказать, что первые два курса оценки «хорошо» в нашем университете просто не существовало. Не ввели только на третий год нашей учебы. До того было только «отлично» или «удовлетворительно». Но стипендия платили всегда. Повышенная — 150 рублей. Теперь это было бы 15. Обычная — и того меньше. Конечно, не хватало. Частенько ходили разгружать вагоны — вечное занятие студентов. На старших курсах давали уроки, занимались репетиторством. Ко всему Саня подходил очень организованно — заниматься так заниматься, учить других — так учить, идти на стадион — так тоже на полном серьезе.

— Он был спортсменом? Или болельщиком?

— По-настоящему ни тем, ни другим. Дополнительно спортом не занимался. Но был дружен со знаменитым в то время футболистом ростовского «Динамо» Макаровым. Кроме того, Саня страстно любил путешествовать. После третьего курса на лодке прошел всю Волгу. После четвертого с Решетовской и Виткевичем они на велосипедах проехали Кавказ. Потом долго смеялись, вспоминая, как местные жители предлагали «менять женщину на барашка».

— Эмиль Александрович, как проводили время студенты тридцатых?

— Встречались с друзьями, ходили в кино. Фильмов было мало, каждый смотрели по несколько раз. Много спорили. Разговоры об Испании, о фашизме. Чувствовалось: что-то надвигается, но были молоды, нас это не пугало. Пели: «Любимый город может спать спокойно...» — и верили, что это так. Случались вечеринки. Но выпивать было не принято. Зато танцевали. Нас даже в университете обучали западноевропейским танцам. В большом холле второго этажа универси-

тетского здания, где тогда был наш физмат, разучивали танго, блюз...

— И Солженицын танцевал?

— Вполне неплохо. Саня всегда был нормальным юношей — студентом. И в самодельности участвовал, отлично играл в чеховских водевилях.

— Он тогда уже писал?

— Трудно сказать, когда он стал писать серьезно. Кое-что пописывал для стенгазеты, где был редактором, остальных скрывал.

— Но Паламарчук в «Путеводителе по Солженицыну» приводит слова Александра Исаевича: «Я отчетливо помню то место Пушкинского бульвара, где мне пришла в голову мысль написать книгу, которая в последнее время получила название «Красное колесо». Это о 1936 году. Выходит, он уже с первых студенческих лет не просто знал, что будет писателем, но и что будет такая книга...

— Не думаю, что он знал, что книга его будет именно такая. Взгляды его меняла война, заключение. А в те годы Саня был преданным комсомольцем, верным ленинцем. Конечно, у нас, как и везде, случались собрания с громогласными оглашениями: «Такой-то оказался врагом народа!». Но напрямую нас это не касалось и нельзя сказать, чтобы сильно мучало. И общественные дисциплины, которые, кстати сказать, тогда изучали гораздо меньше, Саня сдавал без особых трудов и, думаю, без разладов с совестью. Все это пришло потом.

— Потом началась война...

— Разными путями мы попали на фронт. Точнее, на разные фронты. Сначала мы переписывались. Потом переписка прервалась — по моей вине. А письма Солженицына и Виткевича закончились для обоих заключением.

— Вы ничего не знали о них?

— Нельзя сказать, что не знал. Новости передавались через Наташу, которая время от времени приезжала в Ростов. В пятьдесят третьем вернулся Виткевич. Тогда мне удалось немного помочь, его не брали на работу, и я находил ему учеников для частных уроков. С Солженицыным мы встретились только в пятьдесят шестом. Летом он приехал в Ростов. Но, кстати, и тогда не признался еще, что пишет. Через несколько лет о публикации его книги мне сообщила Наташа. Уже потом Саня привез и подарил экземпляр и сказал, что теперь он сможет оставить учительство, которым зарабатывал на жизнь. «За роман заплатили 5 тысяч. Этого хватит на 5 лет», — сказал Саня. Жили они предельно скромно.

— Вы виделись только в Ростове?

— Я ездил в гости в Рязань. Помню деревянный двухэтажный дом, где на первом этаже они жили в двух комнатах, в одной Саня с Наташей, в другой Наташин мама с тетушкой. Дворик, маленькая грядочка и две клубнички: «Мила! Попробуй! Сами вырастили!» Почему-то запомнились эти две клубнички и Санины слова...

Последний раз, будучи в Ростове, он меня не застал дома, оставил открытку. Так и храню эту открытку, несколько сохранившихся писем и снимков. Да вот судьба подбросила такой подарок времени, как эти личные дела...

Елена АФАНАСЬЕВА,
Ростов-на-Дону — Москва.